

Шолом-Алейхем

Собрание сочинений

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ш78

Ш78 **Шолом-Алейхем**
Собрание сочинений: Том 4 / Шолом-Алейхем – М.: Книга по Требованию,
2024. – 280 с.

ISBN 978-5-521-31453-9

ISBN 978-5-521-31453-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Я—путешественникъ. Почти одиннадцать мѣсяцевъ въ году я—въ дорогѣ. Ёду чаще всего желѣзной дорогой, почти всегда—третьимъ классомъ и обыкновенно—по еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ. Потому что, гдѣ евреямъ жить запрещено, мнѣ дѣлать нечего.

И чего только не приходится видѣть въ пути!

Какъ жаль, что я—не писатель. Хотя, между нами говоря, чѣмъ я—не писатель? Всякій человекъ можетъ стать писателемъ. Бери перо и пиши!

Впрочемъ, не всякому слѣдуетъ заняться сочинительствомъ. Каждый человекъ долженъ держаться своего ремесла. Есть хлѣбъ—и живи себѣ, зачѣмъ у другихъ хлѣбъ отбивать? Вотъ, когда дѣлать нечего, и это—дѣло.

Мнѣ въ пути часто приходится просиживать цѣлые дни, пальцемъ о палецъ не ударивъ. Я и надумался. Купилъ записную книжку, чернильный карандашъ и сталъ записывать все, что приходится слышать и видѣть въ пути. И такимъ образомъ у меня собралось довольно много матеріала. Хватить на цѣлый годъ чтенія. Я сталъ

задумываться: что мнѣ со всѣми этими записками дѣлать? Выбросить?—жалко. Не отпечататьли?

Право, иногда печатаются и худшія вещи.

Засѣлъ, распредѣлил товаръ по образцамъ, «бракъ» вышвырнулъ, оставилъ только перво-сортную «приму», пронумеровалъ, далъ каждому разсказу подобающее имя (товаръ лицомъ продается) и пустилъ въ ходъ.

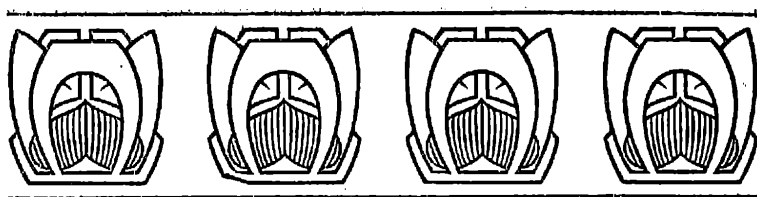
Не знаю, заработаю ли на этомъ дѣлѣ или останусь при пиковомъ интересѣ. Дай Богъ, чтобы не проторговаться!

Спросите: зачѣмъ мнѣ вся эта затѣя понадобилась? Чтобы мнѣ такъ горя не вѣдать. Очень возможно, что глупость сморозилъ. Но дѣло сдѣлано, назадъ не воротишь.

За одно я спокоенъ—критика меня не заѣстъ. Свое имя я скрылъ. Черта лысаго догадаются, какъ меня звать. Пусть критикуютъ, пусть смѣются, пусть по гладкимъ стѣнамъ взбираются. Я ихъ боюсь, какъ прошлогодняго снѣга. Я—не сочинитель, не учитель, не бездѣльникъ. Я, слава Богу, торговецъ.

Коммивояжеръ.

№ 1.

КОНКУРЕНТЫ.

Всегда, во время самой суматохи, когда евреи толкаются взадъ и впередъ по платформѣ, а въ вагонѣ бьются за мѣста, именно тогда они появляются: «онъ» и «она».

«Онъ»—черный, толстый, лохматый, съ бѣльмомъ на глазу. «Она»—красная, худая, съ изрытымъ оспою лицомъ. Оба оборванные. У обоихъ платье въ заплаткахъ, башмаки въ дырахъ. Оба съ однимъ и тѣмъ же товаромъ. У него—корзина. У нея—корзина. У него— плетеные калачи, крутые яйца, бутылки лимонаду, апельсины. У нея— плетеные калачи, крутые яйца, бутылки лимонаду, апельсины.

Иногда случается, что въ его корзинѣ лежатъ красныя черешни, черныя вишни или зеленый укусно-кислый виноградъ. Тогда и она приходитъ съ такими же красными черешнями, черными вишнями и зеленымъ укусно-кислымъ виноградомъ.

И оба являются въ одно время, толкаются въ одну дверь вагона и говорятъ тѣ же слова, только съ различнымъ произношеніемъ. «Онъ» говоритъ нѣсколько удушливо, безъ «р», мягко, расплывчато, точно безъ языка. «Она» шепелявить, точно полонъ ротъ языка.

Не думайте, что они подбиваютъ цѣну, портятъ рынокъ.

Нѣтъ, цѣны у нихъ устойчивыя. Ихъ конкуренція заключается въ томъ: *кто возбудитъ больше жалости*. Оба просятъ сжалиться надъ ихъ пятью сиротами. (У «него» пять дѣтей-сиротъ, у «нея» пять дѣтей сиротъ). Оба глядятъ вамъ прямо въ глаза, оба суютъ вамъ свой товаръ подъ самый носъ и оба такъ долго стоятъ надъ вами, пока вы (нужно ли вамъ или не нужно) *принуждены* кое-что купить.

Только всего, что ихъ рѣчами и просьбами вы немного смущены. Не знаете у кого покупать: у него или у нея. Вы хотите придерживаться золотой середины и дать обоимъ торговать, но они не согласны:

— Хотите покупать, такъ покупайте, сударь, у одного... За двумя зайцами разомъ не гоняются.

Хотите поступить по совѣсти—купить разъ у «него», разъ у «нея», но васъ ругаютъ обѣ стороны:

— Сударь! Чѣмъ я на этотъ разъ рожей не вышла?

Или такъ:

— Господинъ! На прошлой недѣлѣ вы у меня

покупали и, кажется, не отравились и не подавились!

Вы пробуете удариться въ «мораль», пытаетесь пристыдить ихъ: у того, молъ, также душа хлѣба просить, тому также жить надобно, или какъ нѣмцы говорятъ: «leben und leben lassen». Но получаете въ отвѣтъ не по-нѣмецки, а на самомъ простомъ базарномъ нарѣчїи:

— Дяденька! Одной... на двухъ стульяхъ не сидятъ!

Такъ-то, мой другъ! На весь міръ не угодишь. Этотъ номеръ не пройдетъ. И въ миротворцы никогда не записывайся, своей шкурой поплатишься. Я знаю объ этомъ изъ собственного опыта. Свалялъ разъ дурака, хотѣлъ помирить не ладившихъ между собой супруговъ. А добился только того, что мнѣ пришлось порядкомъ потерпѣть отъ своей собственной супруги... Но я не хочу прерывать своего разсказа. Правда, въ торговлѣ иной разъ случается, что предлагаешь кому-либо одно дѣло, а говоришь совсѣмъ о другомъ. Но торговля—одно, а сочинительство—другое.

Однажды... Дѣло было осенью, въ дождливый, ненастный день. Небо было заплаканное. Земля пуста и мрачна. Станція полна людей. Пассажиры входятъ, выходятъ. Всѣ бѣгутъ, всѣ толкаются, а евреи, по обыкновенію, больше всѣхъ. Спѣшатъ, лѣзутъ одинъ на другого съ чемоданами, узлами, подушками. Крикъ, шумъ, суматоха! А посрединѣ, въ самой гущѣ—«онъ» и «она». Оба

нагружены товаромъ, какъ всегда, оба толкаются въ одну дверь, какъ всегда. Вдругъ... что случилось?.. Обѣ корзины лежатъ на землѣ. Калачи, яйца, бутылки лимонаду, апельсины валяются въ грязи, и смѣсь криковъ, визга, плача и проклятій сливается съ хохотомъ кондукторовъ и говоромъ пассажировъ.

Звонокъ. Гудокъ. Еще минута—и мы ѣдемъ.

Въ вагонѣ шумно. Наша братія—израильтяне и пустились въ разговоры, провѣтриваютъ языки. Всѣ разомъ, точно гуси на базарѣ. Трудно уловить суть разговора, слышны лишь отдѣльныя фразы:

— Урожай на плетеные калачи...

— Яичный погромъ...

— Даже апельсиновъ не пощадилъ...

— О чемъ тутъ толковать? Вѣдь на то онъ—начальство...

— Пусть не лѣзутъ, куда ихъ не просятъ!

— А что имъ, бѣднымъ, дѣлать прикажете? Еврей хлѣба ищетъ!

— Ха-ха-ха!—отозвался нѣкій бась.—Еврейскіе заработки!

— Еврейскіе заработки? — послышался визгливый молодой голосокъ.—Вы имѣете предложить лучшіе? Пожалуйте ихъ сюда.

— Молодой человѣкъ! Не съ вами говорятъ!—гремитъ бась.

— Не со мною говорите? А я съ *вами* говорю. Я спрашиваю: у васъ лучшіе заработки на виду?.. Да?.. Вы молчите? Почему вы молчите?

— Что хочеть отъ меня этотъ молодой человекъ?

— Я желалъ бы, чтобы вы назвали свои лучшіе заработки.

— Нравится вамъ этотъ клещъ?

— Тише, господа! Вотъ она сама здѣсь.

— Кто?

— Она сама. Разносчица.

— Гдѣ она, эта красотка, гдѣ?

— Да вотъ!

Красная, съ глазами, опухшими отъ слезъ, протолкалась она съ пустой корзиной, искала мѣста, гдѣ бы присѣсть, усѣлась на полу на обернутой своей корзинѣ, спрятала опухшіе глаза въ изорванный платокъ и тихо заплакала.

Жуткое молчаніе охватило вагонъ. Сразу прекратились разговоры. Точно всѣ лишились языка. Лишь одинъ спохватился и обратился къ народу густымъ басомъ:

— Евреи! Почему вы примолкли?

— О чемъ намъ кричать?

— Надо собрать для нея нѣсколько денегъ... Удивительное дѣло! Знаете, кто этотъ «одинъ»? Тотъ самый, что недавно смѣялся надъ еврейскими занятіями. Станный человекъ со странной шапкой на головѣ. Что-то вродѣ картуза съ прямымъ блестящимъ козырькомъ. Къ тому онъ еще носить синія очки, такъ что глазъ не видать. Глазъ нѣтъ, а только носъ, мясистый, жирный, картофлеподобный носъ.

Недолго думая, онъ снялъ съ головы свой картузь, бросилъ туда нѣсколько серебряныхъ монетъ, пошелъ по вагону и гремитъ своимъ басомъ:

— Подайте, люди добрые, кто сколько можетъ. Монетой не стѣсняйтесь. «Даровому коню въ зубы не смотрять».

Народъ взялся за карманы. Раскрылись кошельки и зазвенѣли монеты. Разныя монеты,—серебряныя, мѣдныя. Сидѣлъ на скамѣ христіанинъ, малороссъ въ большихъ сапогахъ, съ серебряной цѣпью на шеѣ. Онъ, зѣвая, перекрестился и также бросилъ монетку въ картузь. Только одинъ пассажиръ отказался, не захотѣлъ подать. Какъ разъ тотъ самый, что недавно вступился за честь еврейскихъ заработковъ.

Молодой человѣкъ, «интеллигентъ», съ лоснящимися щечками, рыжей заостренной бородкой и въ золотыхъ пенснэ. Одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые выросли у богатыхъ родителей, живутъ у богатаго тестя, сами также обладаютъ хорошимъ достаткомъ, а ѣдутъ третьимъ классомъ, потому что жалѣютъ денегъ.

— Молодой человѣкъ! Подайте сколько-нибудь!—обратился къ нему господинъ въ синихъ очкахъ.

— Я не подамъ!—отвѣтилъ «интеллигентъ».

— Почему?

— Такъ. Это у меня въ принципѣ.

— Я и раньше объ этомъ догадывался.

— На какомъ основаніи?

— Видно по щекамъ, какъ зубы шелкаютъ, или, какъ поговорка гласитъ: «Видно пана по холявѣ».

Молодой человѣкъ вспылилъ, потерялъ даже пенснэ и съ визгомъ накинулся на толстоносаго:

— Вы—невѣжа, прощальга, невоспитанный и нахаль!

— Слава Богу, что свиньей не обозвали да по мордѣ не съѣздили.

Такъ отвѣтилъ ему добродушно толстякъ и подошелъ къ продолжавшей плакать разносчицѣ.

— Тетенька! Можетъ быть, пора и плакать перестать? Вы только портите свои прекрасные глаза. Подставьте пригоршни, получите денежки.

Я думалъ, что, увидѣвъ столько денегъ, она разсыплется въ благодарностяхъ и пожеланіяхъ. Не тутъ-то было! Въмѣсто благодарностей посыпались изъ ея устъ проклятья. У нея открылся родникъ проклятій.

— Все онъ виновать,—чтобъ онъ себѣ руки и ноги сломалъ, шею свернулъ на ровномъ мѣстѣ! Все изъ-за него, чтобъ его земля поглотила! Чтобъ онъ не дожилъ, пока домой придетъ, чтобъ на него холера пришла, язва египетская, трясуха, голодуха, гризота, сухота, ломота ..

Господи, откуда у человѣка столько проклятій берется? Счастье, что толстякъ въ синихъ очкахъ прервалъ ея потокъ:

— Довольно благопожеланій, тетенька! Скажите лучше, почему кондуктора васъ такъ обидѣли?

Женщина подняла на него свои опухшіе глаза.

— Изъ-за него, чтобъ его громъ сразилъ! Побоялся, авось я перебью его покупателей, чтобъ ему руки, ноги перешибло. Я въ вагонъ. И онъ пошелъ толкаться въ вагонъ. Я бросилась впередъ. И онъ—впередъ. Я побѣжала. Онъ схватился сзади за мой кошель. Я подняла крикъ. Явился «жандаръ» и мигнулъ кондукторамъ. Кондуктора взяли да обернули наши корзины въ самую грязь. Весь товаръ разсыпали, чтобъ его косточки разсыпало и развѣяло. Повѣрьте, дай мнѣ Богъ такъ говорить съ милыми сердцу моему, что съ тѣхъ поръ, какъ я торгую этимъ товаромъ и развѣзжаю по «линіи», никто меня никогда не тронуть, ни на волосъ не обидѣлъ. Почему, думаете? Отъ доброты душевной? Чтобъ ему столько язвъ на брюхѣ, сколько калачей и яицъ приходится раздавать на станціи! Всѣмъ нужно глотку заткнуть. Какъ только начинается день, сейчасъ и дѣлежъ. Старшій кондукторъ беретъ на завтракъ, что ему заблагоразсудится. Прочимъ кондукторамъ сама роздаю: кому калачъ, кому яйцо, кому апельсинъ, кому трясы, кому хворобу. Подумайте, даже истопникъ, чтобъ его лихоманка трясла, и тотъ не прочь завтракомъ поживиться. Грозить пожаловаться «жандару». Того онъ не знаетъ, что самъ «жандаръ» также подмазанъ. «Жандара» каждую недѣлю, по воскресеньямъ, угощаю нѣ-